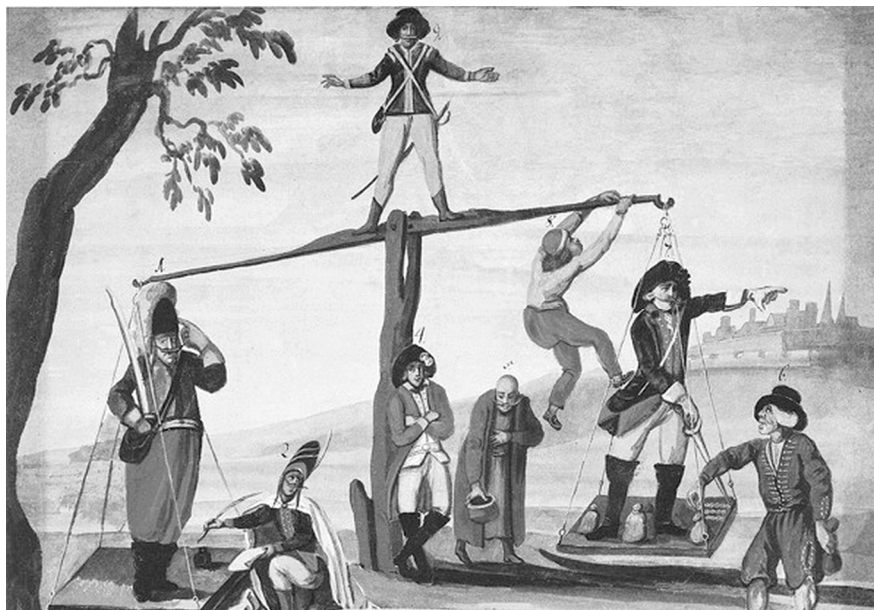

Аллегория на состояние Европы в 1791 г.
Неизвестный русский художник конца XVIII в. Фрагмент

УДК 327.2

Комлева Н.А.

Геополитические ресурсы: попытка классификации¹

Комлева Наталья Александровна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

E-mail: komleva1@yandex.ru

Статья посвящена проблеме классификации геополитических ресурсов как средства выживания и развития человеческих сообществ, в данном качестве представляющие собой главную опору и главный объект геополитической борьбы. Во второй части статьи характеризуются идеологические и личностные ресурсы геополитического развития. Утверждается, что в современном геополитическом процессе решающее значение приобретают ресурсы социальные и ментальные, а также такой личностный ресурс, выраженный в коллективной форме его существования, как эффективность политической элиты общества.

Ключевые слова: ресурсы, геополитические ресурсы, идеологические конструкты, национализм, геополитическое сжатие, престиж могущества, личностные ресурсы, политическая воля.

Ментальные геополитические ресурсы

Рассмотрим такой тип геополитических ресурсов как **идеологические конструкты**.

Идеология как система ментальных ценностей присуща любому человеческому обществу. В этой системе в разные исторические эпохи доминируют разные элементы. Утрата доминанты в связи с переходом на другую доминанту может в период этого перехода явиться одной из причин геополитического сжатия данного государства. Дело в том, что ментальная доминанта определяет форму и степень осознания националь-

¹ Продолжение. Начало см.: Комлева Н.А. Геополитические ресурсы: попытка классификации // Пространство и Время. 2013. № 3(13). С. 12–19.

ного интереса. Временная утрата доминанты ведет к геополитической дезориентации до момента обретения другой доминанты. Так, геополитическое сжатие России в конце XX в. объясняется, в том числе, провалом коммунистической идеологии и неспособностью либеральной идеологии полностью занять ее место.

Особенно активно стимулируют геополитическое расширение две разновидности идеологии – религиозная и националистическая, причем, на наш взгляд, по одной и той же причине. Обе эти идеологии по-разному обосновывают одно – идею исключительности данного человеческого сообщества. Обоснование не обязательно должно выражаться в проявленной, артикулированной форме, как, например, идея богоизбранности еврейского народа в иудаизме. Избранность может существовать на уровне подсознания, определяясь более сложными и тонкими взаимосвязями ментальных элементов.

Выделим геополитическую роль националистической идеологии. Об этом геополитическом ресурсе обычно стыдливо умалчивается, поскольку национализм непolitкорректен. Однако геополитическая наука, в отличие от политической, не знает моральных запретов. Обычно националистическая идеология активно функционирует в общественном сознании в периоды геополитических провалов (значительной степени геополитического сжатия), являясь ментальной базой откатной волны геополитического расширения. Это случилось с Германией в середине XX в., и это происходит в сегодняшней России и во всех странах СНГ. Необходимо особо отметить, что националистическая идеология, как и любая другая, имеет несколько степеней развития и, соответственно, несколько форм существования. Спектр националистической идеологии простирается от патриотизма до шовинизма. Доминирование конкретной формы национализма в общественном сознании конкретной страны в ситуации геополитического сжатия определяется целым рядом условий, в том числе степенью ее экономического развития и уровня жизни населения, национальными традициями и религией, типом политической системы и не в последнюю очередь – личностью главы государства.

Германский национализм, активно подпитывавшийся Бисмарком, кайзером Вильгельмом, а в 30-е годы XX в. – Гитлером и его партией, послужил ментальной основой бурного геополитического расширения (геополитического прорыва) Германии в первой половине XX в. Необходимость теоретического обоснования этого прорыва создала немецкую школу традиционной геополитики – одну из сильнейших в мире. Поражения в первой и второй мировых войнах отнюдь не уничтожили германский национализм, несмотря на целенаправленную общенациональную кампанию искоренения идеологии национал-социализма в 50–60 гг. XX в. Напротив, эти поражения напятили его, но давление исторических обстоятельств перевело его в иные формы, например, в форму бытового «оборонительного расизма» и активное стремление к объединению Западной и Восточной Германии.

Национализм значительной части титульных этносов и политических элит бывших советских республик, ныне – независимых государств используется странами Запада для провоцирования дальнейшего геополитического сжатия России во всех пространствах. Так, явно дискриминационные в отношении русскоязычного населения законодательные акты и политические действия государств Балтии, особенно Латвии, не встретили почти никакого осуждения в международных структурах типа ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совета Европы, а также среди лидеров великих держав. Дело в том, что русские составляют от 30 до 40% населения этих стран и могли бы стать этнической, экономической, политической и ментальной базой возвратного геополитического расширения России в регионе Северо-Запада Европы. Чтобы не допустить этого, законодательно закреплены запреты на владение недвижимостью (т.е. предпринимательскую деятельность – какой же бизнес без владения недвижимостью) и участие в выборах «неграждан», а также на использование русского языка в официальных контактах. Гражданами «автоматически» признаются только те лица нетитульной национальности, которые родились в Балтии до 1940 или после 1990 года, остальным необходимо пройти процедуру получения гражданства, даже если они сами и их предки проживали в Балтии много лет.

Национализм различных этносов внутри России является одним из факторов дробления ее пространств и общего геополитического ослабления. Только националистическим ражем можно объяснить законодательное объявление английского языка «рабочим языком» Саха–Якутии наряду с якутским и русским в 90-е годы XX в. В тот период доходило до попыток (пресеченных Конституционным судом РФ) введения собственных паспортов и обустройства государственной границы между Татарстаном и Россией, предпринимавшихся со стороны Татарстана.

Примеры можно продолжать, но все они говорят об одном: национализм является мощным ментальным фактором геополитического развития – как прогрессивного (экспансионистского), так и регрессивного (контракционного).

В XX веке выявилась закономерность: принцип самоопределения народов в сочетании с крайним национализмом ищущих самоопределения этносов может легитимно крушить многонациональные государства. Достаточно вызвать «оборонительную» национально-освободительную войну, а с ней – международную симпатию, за которой обычно следует дипломатическое признание «повстанцев».

Не меньшим по значению геополитическим ресурсом является то, что М. Вебер называл «престижем могущества», т.е. психология победителей, укорененная в массовом сознании данного общества. В этом смысле ныне осмеянный лозунг «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики» является выражением именно «престижа могущества» и не мог не появиться в период первых пятилеток и побед на фронте индустриализации и внешней политики. Мощные прорывы в сфере освоения воздушного и затем космического пространства (большая часть рекордов в воздухоплавании принадлежала спортсменам СССР, первый спутник Земли, первый человек в космосе) явились как следствием проявления «престижа могущества», так и одним из факторов его усиления. На развитие психологии победителей работало и советское искусство, часто лакируя действительность. Однако еще Ницше замечал, что миф и не должен быть правдой. Его функция иная – не адекватное отражение действительности (тогда это было бы научным знанием), но обеспечение психологического единства общества. На развитие психологии победителей и стимулирование геополитической экспансии во всех пространствах превосходно работает массовое развитие спорта и спортивные достижения в различных областях. Не случайно китайские спортсмены в последнее время активно осваивают ранее не известные им спортивные профессии и в ряде случаев добиваются высоких показателей. Точно так же не случайно то, что российские спортсмены после развала СССР резко снизили свои показатели в командных видах спорта (фут-

бол, хоккей), где особенно важно наличие общих психоэмоциональных ценностей, поскольку вместо психологии победителей в массовом сознании как по объективным причинам, так и вследствие навязанных стереотипов утвердилась психология исторических неудачников.

Ментальные ресурсы – это то самое «пространственное чувство» народа, охарактеризованное Ратцелем, без развития которого не может осуществляться геополитическая экспансия.

Отдельно упомянем такой вид ментальных ресурсов, имманентный для информационно-кибернетического пространства, как программные продукты. Чем больше удельный вес конкретного программного продукта в структуре рынка данной продукции, тем большие возможности для панельного (всеохватного) контроля информационно-кибернетического пространства соперников имеются у актора, контролирующего использование данного программного продукта. Главное – это возможности использования компьютерных программ (точнее, так называемых «закладок», «логических бомб», «червей» и «вирусов») в для осуществления шпионажа и предотвращения определенных действий геополитического противника как в военных, так и в экономических целях (контроль географического и экономического пространства геополитического соперника). Широкие возможности контроля всех геополитических пространств определенного общества продемонстрировал такой кибернетический продукт, как социальные сети – особенно в процессе осуществления «цветных революций» в рамках «Арабской весны» 2011 г. С дальнейшим развитием постиндустриального общества значение данного типа ментальных ресурсов будет лишь возрастать.

Личностные ресурсы в геополитике

Личностные ресурсы геополитического развития – это, прежде всего, персональные способности и умения формального и/или неформального лидера данного человеческого сообщества.

Геополитические акторы – это не механические системы, а человеческие сообщества, поэтому для их геополитического существования важны не только объективные характеристики их пространств и ресурсов, но интеллектуальные и эмоциональные характеристики возглавляющих их лидеров. Если ограничивать число геополитических акторов только государствами, тогда понятие «политический лидер» будет тождественно понятию «глава государства». В этом случае степень свободы воли и свободы геополитического поведения лидера определяется типом существующей политической системы. В частности, тем, в какой степени государственные структуры – и глава государства в том числе – подвергаются контролю структур гражданского общества.

В любом случае главным являются волевые качества политических лидеров, т.е. так называемая «политическая воля». Воля, согласно Гегелю, есть стремление к реализации осознанной потребности. Стремление переживается индивидом как чувство (желание). Поэтому в структуре фактора политической воли равным образом важны как интеллектуальные, так и эмоциональные (волевые) элементы. При этом важно, чтобы политическая воля лидера совпадала с политической волей значительной части подвластных, т.е. с национальным интересом (интерес и есть осознанная потребность). Это обеспечит действиям лидера национальную поддержку и таким образом усилит импульс геополитического поведения данного государства.

Оставив в стороне вопрос природы национального интереса, его истинности или ложности, отметим, что для своей реализации он должен быть проявлен именно на уровне всей нации, т.е. существовать в массовом сознании как преобладающий, доминирующий интерес.

В либеральных системах это доминирование осуществляется через деятельность структур гражданского общества, прежде всего политических партий, которые теоретически оформляют собственное понимание национального интереса в своих программах и выражают в своей деятельности. Выборные органы государственной власти, сформированные определенными партиями и политическими организациями, являясь в таком случае материальным воплощением политической воли народа, т.е. национального интереса. Это оптимальный способ проявления национального интереса. Другое дело, что таким образом чаще всего проявляется интерес сиюминутный, но это уже относится к тем недостаткам демократии, которые отмечались на протяжении всей ее истории различными мыслителями – от Платона до Черчилля.

В этакратических системах на первый план выступают личностные характеристики лидера и его личное осознание геополитических потребностей общества. Не зря лидеры этакратических систем, как правило, отождествляют себя с государством или обществом в целом: от Людовика XIV («государство – это я») до Фиделя Кастро («я и есть Куба»).

В сфере геополитики это отождествление до некоторой степени справедливо как в либеральных, так и в этакратических системах: во все времена основной геополитический актор – государство, поэтому личностные качества его главы в геополитических битвах играют первостепенную роль. Идеально, если это человек глубокого и гибкого ума и сильной воли. Именно такие лидеры, как правило, способствовали геополитическим прорывам своих государств вне зависимости от того, являлись ли они легитимными или теневыми лидерами. Так, фаворит Екатерины II князь Потемкин сделал для российской геополитики ничуть не меньше, чем сама императрица.

Политический лидер может явиться как причиной геополитического успеха, так и причиной геополитического провала возглавляемого им государства. Иногда это один и тот же человек. Примером может послужить Наполеон I. Его военные победы принесли Франции статус сверхдержавы тогдашнего политического мира (сверхдержава Суши). Наполеон как глава французского государства в буквальном смысле являлся господином большей части Европы. Однако непрерывные победы вскружили ему голову и убедили в абсолютном могуществе, что повлекло за собой стремление к реализации безумного проекта «континентальной блокады» Англии – основной сверхдержавы тогдашнего мира (сверхдержава Моря). Полное осуществление блокады требовало принудить к ее выполнению все страны континентальной Европы, в том числе и Россию, которая подчинилась категорически не собиралась. Последовал неудачный для Наполеона русский поход, давший начало процессу распада всей собранной Наполеоном европейской империи. Франция не только потеряла статус сверхдержавы, она подверглась и иным видам геополитического сжатия – от географического до идеологического.

Для России лидерами, активно способствовавшими ее громадному геополитическому расширению во

всех пространствах, были, несомненно, Петр Первый и И.В. Сталин. Геополитические провалы России в конце XX века связаны с именами М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. При этом геополитический провал, т.е. значительная степень геополитического сжатия во всех пространствах, не обязательно сочетается с провалами в развитии отдельных параметров экономической и политической систем. Так, Горбачев и Ельцин способствовали либерализации российской экономики и демократизации политической системы.

Не менее важен фактор личностных способностей к геополитической деятельности для глав негосударственных образований. Так, глава террористического Международного фронта борьбы против евреев и крестоносцев У. бен Ладен, проведя масштабные теракты в США в сентябре 2001 г., доказал возможность глобального расширения в географическом и идеологическом пространстве отдельно взятой неправительственной организации.

Думается, что для характеристики политического лидера как геополитического ресурса подходит типология политических лидеров, предложенная Дж.Д. Барбером в отношении американских президентов¹. Барбер считает, что типы президентов располагаются в сочетании координат «активный – пассивный» и «позитивный – негативный». «Позитивный» – тип, наслаждающийся властью, «негативный» – компенсирующий подсознательные комплексы неполноценности и неуверенность в себе «тяжелой работой». В результате на пересечении координат появляются четыре основных типа: активный – позитивный, активный – негативный, пассивный – позитивный и пассивный – негативный. Активный – позитивный тип более всего желает добиться результата, активный – негативный старается добиться власти и удержать ее, пассивный – позитивный «ищет любовь» и пассивный – негативный «подчеркивает свои общественные ценности». Для геополитического статуса государства наиболее опасен активно – негативный тип политического лидера, поскольку он обычно склонен к политической слепоте и продолжению явно неудачной политики из опасения «потерять лицо». Барбер утверждает, что данный тип лидера «помогает организовать собственное поражение и приводит нацию к худшему состоянию, чем то, в котором она могла бы быть». Данный тип лидера: а) все время боится проявить слабость, к которой он имманентно склонен, б) пытается работать все больше и таким образом избавиться от тревоги и незащищенности, в) он не командный игрок и не спрашивает совета у других, г) не терпит в других людях того, что он считает предательством по отношению к самому себе и провозглашаемым им идеалам, г) считает, что весь мир – против него. Нации слишком дорого платят за упрямое следование провальному типу политики со стороны таких лидеров. В качестве примеров Барбер приводит деятельность Л. Джонсона и его упорное нежелание прекратить войну во Вьетнаме. «Он не может сдаться, т.к. психологическая цена слишком велика для его личности. Для него капитуляция означает самоубийство, признание вины и слабости. После того как он вложил весь свой моральный капитал в дело, он будет преследовать цель до конца».²

Если приложить типологию Барбера к российским президентам, то Б.Н. Ельцин соответствует именно активно-негативному типу. Геополитический провал России (критическая степень геополитической контракции) при Ельцине не в последнюю очередь есть следствие активно-негативного типа его личности. Барбер подчеркивает, что если определенные негативные для страны обстоятельства соединятся с данным типом президента – результат «может быть катастрофическим и для страны, и для президента».

Личностный фактор геополитического процесса представлен не только политическими лидерами государств или негосударственных объединений, но и таким важным структурным подразделением государственного чиновничества, как дипломатический корпус и его глава.

Дипломатические отношения и дипломатию вообще часто определяют как институционализированные отношения между государствами, международными и наднациональными организациями, которые осуществляются посредством представителей данных структур³. Одной из основных задач дипломатии, согласно Венской конвенции 1961 г., является защита интересов представляемого государства, а также наблюдение за экономическими, социальными и политическими процессами, происходящими в стране пребывания дипломата. Дипломатия – классическое средство представления интересов государства на внешней арене. Добавим, что дипломатия развивается как в явной, так и в скрытой форме. Это может относиться как к государству, так и к негосударственным структурам, осуществляющим в той или иной форме внешнеполитическую деятельность. В частности, в урегулировании кризиса в современной Сирии некоторую роль играет такая общественная структура, как российская Академия геополитических проблем.

Дипломатические способности лидеров негосударственных структур могут способствовать превращению данных структур в государственные. Примером может служить деятельность Я. Арафата, превратившего в конце прошлого века свою организацию ФАТХ, террористическую по характеру, в кадровую и организационную базу современной Палестинской автономии в рамках государства Израиль. Как известно, на повестке дня стоит вопрос о преобразовании данной структуры в ближайшем будущем в суверенное государство.

Личные способности дипломатов высокого класса, прежде всего таких государственных чиновников, как министры иностранных дел, могут способствовать не просто геополитическому расширению (экспансии) данного государства, но и его геополитическому прорыву. В связи с этим необходимо упомянуть таких крупных исторических деятелей, карьерных дипломатов, как князь Ш.-М. Талейран (Франция конца XVIII – начала XIX вв.), К.-В.-Л. Меттерних (Австрия того же периода), А. М. Горчаков (Россия, XIX в.).

* * *

Подведем итог. Осуществление экспансии во всех типах геополитических пространств требует овладения всеми типами геополитических ресурсов: как материальными, так и нематериальными. Отметим при этом, что в современном мире наиболее востребованными являются ресурсы ментального и социального характера, что обуславливается спецификой постиндустриального этапа развития человеческой цивилизации. Данное обстоя-

¹ См.: Jackson J.S. "Studies of the Presidency." *American Government, Politics and Law: Unity in Diversity*. Carbondale, 2002, vol. 2.

² *Ibid.*, p. 76.

³ Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE. 2000.

тельство определяет изменение характера современной войны, поскольку все войны, в какой бы то ни было форме их проявления, ведутся за обладание ресурсами. Ментальные ресурсы выступают основной целью сетевых войн, а социальные – такого типа войны, как преземптивная¹. В связи с увеличением значения нематериальных ресурсов выживания и развития человеческих сообществ и с изменением характера современных войн – важнейшим ресурсом геополитического развития государств, а также обществ, являющихся для данных государств базовыми, выступает качество их политической элиты, т.е. личностный ресурс в коллективной форме его существования. В «горячих» войнах, которые ведутся исключительно в географическом пространстве, основным комбатантом является народ. Ресурсы географического пространства – природные (сырье, территория), природно-социальные (народонаселение, продукция сельского хозяйства) – материальны, наглядны и возможность их утраты воспринимается как угроза для физического выживания общества. В таких обстоятельствах, при наличии материальной, видимой угрозы, народ быстро психологически мобилизуется на ее отражение. Для осуществления отпора врагу в материальной форме ему только нужны адекватные данной угрозе политическая воля и политическое действие со стороны политической элиты данного общества. Таковое, как правило, и осуществляется под давлением общественного мнения извне и изнутри элиты, испытывающей примерно те же эмерджентные эмоции, что и народ (назначение Кутузова вместо Барклая де Толли, выдвижение Рокоссовского и Жукова для руководства ключевыми фронтами Великой Отечественной). В войнах, называемых сетевыми и преземптивными, преобладают угрозы и разрушающие воздействия психолого-идеологического и экономического характера, в значительной степени скрытые от массового сознания. Сетевые и преземптивные войны вследствие гетерогенности комбатантов и размытого, «непроявленного» характера не могут быть восприняты всем обществом, являющимся объектом такой войны, в качестве непосредственной угрозы его существованию. То, что реально представляет собой угрозу существованию данного общества как целостной экономической, психологической и идеологической системы, по большей части воспринимается массовым сознанием как возможность освобождения от определенных социальных комплексов: несвободы, бедности и т.п., т.е. как социальное благо. Основным оружием сетевых и преземптивных войн являются не пушки, а интеллектуальные и социально-психологические аберрации, «социальные перевертыши». Выявление и квалификация актов сетевых войн – задача специальных служб. Если спецслужбы хорошо выполняют данные задачи и делают угрозы сетевых войн «видимыми» для правящей политической элиты, то санкция на применение спецслужбами и иными соответствующими структурами адекватного объема средств противодействия является уже ее функцией. Именно правящая политическая элита имплицитно обладает образованием, квалификацией и опытом, позволяющим отличить социальную угрозу от социального блага и достаточным объемом юридически закрепленных полномочий для организации противодействия данной угрозе. Необходима также патриотическая мотивация действий элиты для противостояния неизбежным попыткам ее разложения, предпринимаемым извне. Перечисленные качества формируют такое ключевое качество политической элиты, как эффективность. Таким образом, геополитическим ресурсом является не столько политическая элита как таковая, сколько именно эффективная политическая элита.

Оптимизация и защита геополитических ресурсов является важнейшей задачей геополитических акторов любой природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE. 2000.
3. Комлева Н.А. Политическая элита как комбатант сетевых войн // Пятый всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Тезисы докладов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 215–216.
4. Комлева Н.А. Преземптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и Время. 2012. № 2 (8). С. 28–33.
5. Сетевые войны: угроза нового поколения. Сборник статей. М.: Евразийское движение, 2009.
6. Davies J.-A. "Clashing Civilizations or Conflicting Interests?" *Geopolitics* 13.4 (2008): 757-760, doi 10.1080/14650040802275701
7. Jackson J.S. "Studies of the Presidency." *American Government, Politics and Law: Unity in Diversity*. Carbondale, 2002, vol. 2.
8. Janssens M., Steyaert C. "Towards an Ethical Research Agenda for International HRM: The Possibilities of a Plural Cosmopolitan Framework." *Journal of Business Ethics* 111.1 (2012): 61–72.
9. Mignolo W.D. "Prophets Facing Sidewise: The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference." *Social Epistemology* 19.1 (2005): 111–127.
10. Phillips R., Jones R. "Imperial and Anti-Imperial Constructions of Civilization: Engagements with Pre-Modern Pasts." *Geopolitics* 13.4 (2008): 730-735, doi 10.1080/14650040802275644
11. Rigstad M. "Republicanism and Geopolitical Domination." *Journal of Political Power* 4.2 (2011): 279-300.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Комлева, Н. А. Геополитические ресурсы: попытка классификации / Н.А. Комлева // Пространство и Время. — 2013. — № 4(14). — С. 29—33.

¹ О сетевых и преземптивных войнах см.: Сетевые войны: угроза нового поколения. Сборник статей. М.: «Евразийское движение», 2009; Комлева Н.А. Преземптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и Время. 2012. № 2(8); Она же. Политическая элита как комбатант сетевых войн // Пятый всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Тезисы докладов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 215–216.